
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьев В. Г., Климов Л. А.

Сапанжа О. С. Методология теоретического музееведения. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 115 с. ISBN 978-5-8064-1358-2

Монография О. С. Сапанжи посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной музеологии – изучению методологического аппарата науки. Выбор проблематики соответствует тому направлению музеологических исследований, которое З. Странский определил как «метамузеологию», т.е. музеологическое исследование, обращенное, собственно, на самое себя¹. Актуальность темы определяется тем, что, во-первых, как писал З. Странский, «если музееведению предстоит выделиться в качестве научной дисциплины, то она должна обладать <...> специфическими методами»², т.к. наличие собственной методологии, наряду с определением предмета науки, специального языка и теоретической системы фактически означает самостоятельность той или иной научной дисциплины, а, во-вторых, как отмечает сама О. С. Сапанжа, методология является одной «из важнейших составляющих динамики научного знания» (С. 13). При этом автор вполне осознает сложность задачи и, более того, невозможность построения методологии науки в одной отдельно взятой монографии. Очевидно, что это процесс длительный и многоаспектный, требующий серьезной проработки различных составляющих частей теоретического блока музеологии, а именно – теории документирования, тезаврирования и коммуникации. Поэтому О. С. Сапанжа уже во Введении оговаривает, что «следовало бы, вероятно, поставить подзаголовок характерный для статьи: «к постановке проблемы»», т.к. «решение всех методологических проблем музееведения – дело не одной работы. Первоначально необходимо понять, каким образом исследовать методологию науки» (С. 8). В этой связи симптоматичным кажется и то, что рассматриваемая монография заканчивается словами: «проблема методологии теоретического музееведения ждет своих исследователей» (С. 95).

Монография состоит из Введения, двух глав, заключения и библиографии (списка литературы). **Первая глава**, «Музееведение «в поисках метода»» (С. 10-44) посвящена обзору основных проблем, связанных с музеологическим методологическим аппаратом. Рассматривая методологию как «систему знаний о структуре научной теории» (С. 13), автор анализирует значительный массив отечественной литературы по теоретической музеологии,

¹ См.: *Stransky Z. Z. Archeologie a muzeologie*. Brno, 2005. S. 105-118.

² *Странский З.* Понимание музееведения // *Музееведение. Музеи мира*. М., 1991. С. 17.

а также обращается к предельно ограниченному кругу исследований, посвященных «философии науки» (круг ограничивается фактически 5-ю наименованиями). В построении своей методологической модели О. С. Сапанжа опирается на исследование Э. Г. Юдина «Методология науки»³, который различает несколько уровней методологии: 1. Высший философский уровень (наддисциплинарный); 2. Общенаучный уровень (интердисциплинарный); 3. Конкретно-научная методология, «совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине» (С. 14); 4. Уровень «технологической методологии», включающий в себя «набор процедур, обеспечивающих получение достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он может включаться в массив научного знания» (С. 15). Исходя из этого, автор формулирует три направления, в которых необходимо вести решение методологических проблем музеологии: 1. «методология как поиск концептуальных основ музееведческих исследований»; 2. «методология как изучение методов, используемых в основных музееведческих исследованиях» (кроме того: «изучение вопросов создания собственных методов науки»); 3. «технология музейной работы» (С. 16). Генеральной же задачей исследований в области методологии, по мнению автора, является: «Определить, как изучить многообразие музейного мира и форм музейной работы (гносеология) и осмыслить аксиологию музея (шире – аксиологию музейности), создав тем самым интегрированный метод познания музейности» (С. 24).

Анализируя музей, как элемент системы культуры, автор приходит к выводу, что в основе методологии музеологии должен лежать «культурологический подход», поскольку теоретические проблемы науки должны изучаться в двух ракурсах: 1. Изучение «взаимосвязи и взаимодействия элементов»; 2. Изучение «ценностного напряжения, определяющего место музея в системе культуры» (С. 31).

Действительно, исследование музея как социально-культурного института, исходя из представления о музее как одной из подсистем системы культуры, оправдано и перспективно, что доказывает ряд исследований в этой области⁴. Однако отстаиваемый автором тезис З. Странского, согласно которому предметом музеологии является не музей, а музейность (музеальность), как отношение человека к реальной действительности, делает возможность применения культурологического подхода и, соответственно, культурологической методологии ограниченной. Но положение о значении культурологического подхода становится доминирующим и, фактически, подменяющим всю возможную методологическую систему музеологии как самостоятельной научной дисциплины. Кроме того, согласно логике О. С. Сапанжи, самостоятельность музеологии определяется отчасти наличием третьего уровня в методологической системе Э. Г. Юдина, уровня дисциплинарных методов, но если отталкиваться именно от этой схемы и устанавливать культурологический подход в музеологии как основной, то неизбежно обнаруживается методологический пробел

³ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. Следует отметить, что работа была написана в 70-е гг. XX в.

⁴ См.: Каган М. С. Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. С. 445-460; Алешина Т. А. Музей как феномен культуры. Автореф. канд. филос. н. Ростов-на-Дону, 1999; Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2001. и др.

именно на этом уровне: существуют междисциплинарные методы (методы культурологи как синтетической научной дисциплины) и технологии музейной практической работы. При этом методология музеологии становится неким тематическим полем встречи технологий практической работы и методов культурологии.

Во второй главе, «Специфика использования методологии теоретического музееведения (на примере построения научной теории коммуникации)» (С. 45-93), О. С. Сапанжа рассматривает историю изучения теории музейной коммуникации, в рамках которой музей может быть осмыслен как (1) субъект коммуникационных процессов в культуре, (2) коммуникационная система; кроме того, могут быть исследованы отдельные подсистемы (экспозиция, музейно-педагогическая программа и т.д.). При этом ключевые слова «метод» и «методология» во второй главе практически не используются и заменяются словом «подход». Кроме того, тезис о музейности как предмете музеологии во второй главе практически теряет силу, поскольку предметом рассмотрения становится музей как самостоятельная система или подсистема культуры. Плодотворным, по нашему мнению, было бы рассмотрение теории коммуникации как методологической основы изучения не столько музея, сколько именно музейности как отношения.

Логика структуры книги подразумевает также наличие еще как минимум двух глав, посвященных «специфике использования методологии теоретического музееведения» применительно к (1) теории документирования и (2) теории тезаврирования. Отсутствие этих глав в значительной степени определено спецификой музеологических исследований последних десятилетий, а) исходящих преимущественно из непосредственных нужд музейной практики, б) декларирующих редукцию музеологической специфики работы с «документом» и определением его ценности («тезауруса»), о чем пишет и О. С. Сапанжа, говоря о «технологии» музейной работы и использовании в музейной практике методов профильных дисциплин, а также в) постулирующих положение, согласно которому «музей признает *высшей* (курсив наш – В. А., Л. К.) целью коммуникацию с публикой и ориентируется прежде всего на ее интерес»⁵.

Действительно, теория коммуникации является наиболее изученным разделом теоретической музеологии. В отличие от теорий документирования и тезаврирования ей посвящен ряд монографических и диссертационных исследований, отдельные сборники статей и т.д. Изучение теории документирования и тезаврирования в большинстве случаев тонет в огромном потоке собственно профильных исследований, использующих исключительно методологический аппарат профильных наук и вспомогательных научных дисциплин. Однако, по нашему мнению, сущность методологии теоретического музееведения раскрывается именно во взаимосвязанности всех трех теорий, их принципиальной нерасторжимости, слитности, т.к. обособленное изучение музейной коммуникации неизбежно сводится к не-музеологической коммуникации, диктующей проецирование, а зачастую и прямое копирование, наработок в области общекультурологической теории коммуникации в

⁵ Шляхтина Л. М. Основы музейного дела: теория и практика. М., 2005. С. 146.

музеологию. При этом музейная коммуникация отличается от не-музейной только «технологическим» уровнем⁶.

Нельзя не отметить ряд присутствующих в монографии недостатков. В первую очередь они носят редакторский характер и связаны с библиографическим описанием цитируемой литературы. Например, в ссылках зачастую нет указания на выходные данные и страницы цитируемой или перелагаемой работы. Аналитические описания статей иногда даются полностью, иногда фрагментарно, без указания на более раннее цитирование. Другим недостатком работы является игнорирование аналогичных исследований на иностранных языках, зачастую компенсируемое лишь использованием в качестве источников рефератов других исследователей. Как известно, впервые четко сформулированная в программной статье Дункана Камерона, теория музейной коммуникации впоследствии неоднократно привлекала внимание исследователей, оспаривалась и развивалась уже в конце 1960-х гг.⁷, а в начале 1990-х г. была переосмыслена (в общей постмодернистской перспективе) в трудах Айлин Хупер-Гринхилл, одного из наиболее ярких представителей «лестерской школы». Используя концепты, заимствованные из других дисциплин, в частности используемое в литературоведении понятие «интерпретационных сообществ», А. Хупер-Гринхилл предложила новую модель коммуникации как возвращения обратной связи⁸. Для современной эпохи «постмузея»⁹ более актуальным оказалось представление о коммуникации не как о передаче изначально заданного отправителем готового смысла, а как о совместном создании его «упряжкой коммуникаторов», конструирующих среднее значение. К сожалению, эти наработки не нашли отражения в рассматриваемой работе.

При этом следует сделать одну важную оговорку: данный недостаток – характерная черта всей отечественной музеологии, или даже музеологии как таковой. Еще в 1968 г. в книге «Музей и научная работа», ставшей первой попыткой определить сущность музеологии как науки, выдающийся чешский ученый Иржи Неуступный писал: «... авторы многих работ по музеологии или совсем не знают литературы по этой теме, или же знакомы с ней очень слабо. Кажется, что они так глубоко погружены в собственные размышления, что абсолютно не интересуются идеями и гипотезами других. Статьи и книги по музеологии часто отражают лишь собственные взгляды их авторов, попросту не берущих в расчет прочих публикаций по теме, при том, что они могли бы скорректировать или сделать более убедительными их собственные выводы <...> Отсылки к зарубежной литературе по музеологии вообще почти нет. Автор может рассуждать об общих проблемах музеологии, одинаково актуальных для нескольких стран или даже для всего мира, но при этом ограничиваться лишь собственными умозаключениями или, в лучшем случае, сослаться на пару книг и

⁶ Проведем сравнение с другими научными дисциплинами, что свойственно работам в области теоретической музеологии: общая теория коммуникация относится к музеологической теории коммуникации как общее языкознание, например, к английскому или немецкому языкознанию. Несмотря на наличие серьезных отличий, оба «частных» языкознания в качестве методологии (а не «технологии») будут использовать основы языкознания общего.

⁷ См.: *Cameron D. A Viewpoint: The Museum as a Communication System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol. XI. P. 33-40; Knetz E. I., Wright A. G. The Museum as a Communication System: An Assessment of Cameron's Viewpoint // Curator. 1970. Vol. XIII. P. 204-212.*

⁸ См., напр.: *Hooper-Greenhill A. Museums and Education: Purpose, Pedagogy and Performance. London, 2007.*

⁹ Понятие, предложенное Р. Даклос и развитое А. Хупер-Гринхилл.

статей, написанных на его родном языке»¹⁰. Подобная ситуация вплоть до недавнего времени могла объясняться трудностями с распространением музеологической литературы, недоступностью многих изданий и проч. Но сейчас, когда, например, практически все издания Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) ИКОМ переведены в электронный формат и доступны на официальном сайте комитета, старые объяснения перестают работать. Дело, вероятно, в некоторых внутренних особенностях развития музеологии как науки. В. Глузинский сравнивал это развитие с развитием философии, он писал: «Музеологические концепции как и философские системы – это единства, закрытые в свое тотальности. Системы не критикуют деталей других систем, им это просто не нужно: у каждой есть собственные изначальные допущения, из которых они и выводят собственные теоремы. Сходный метод принимается и при построении музеологических концепций: там всегда есть изначальные допущения, но, как правило, никогда нет критики. Хотя некоторые теории и представления изредка все же упоминаются, выбор их осуществляется на основании того, подходят ли они к авторской концепции»¹¹. Попытки преодолеть эту дисфункциональную разобщенность музеологического мира предпринимались уже неоднократно (среди самых значительных назовем диссертацию П. ван Менша «К методологии музеологии», предлагающую обзор всего многообразия концепций и теорий, высказывавшихся в 1970 – начале 1990-х гг. относительно сущности и характеристики музеологии как научной дисциплины¹², а также обширную статью Линн Тизер «Картографируя музеологии: От Вавилонской башни к пограничью», намечающую основные актуальные тенденции развития музеологии и ее связей с культуральными исследованиями на рубеже XX – XXI вв.¹³). Сам В. Глузинский писал, что ситуация естественная в случае с философскими системами, не может быть нормальной для позитивных наук, имеющих совершенно другой характер развития¹⁴. Вместе с тем, как свидетельствуют современные отечественные публикации, задача эта все еще далека от завершения.

В условиях же существующего музеологического дискурса, рассматриваемую монографию О. С. Сапанжи нельзя не признать вехой в отечественной музеологии, и следует лишь надеяться на то, что существующие проблемы с распространением научной литературы не помешают ей стать реальной деталью актуального научного ландшафта.

¹⁰ *Neustupny J.* Museum and research. Prague, 1968. P. 14-15.

¹¹ *Gluzinski W.* Remarks on the condition of museology in the light of its relation to developmental phenomena // *ICOFOM Study Series*. 1987. Vol. 12. P. 118. (Museology and museums).

¹² В работе рассматриваются в основном исследования, так или иначе связанные с деятельностью ИКОФОМ. См.: *Mensch P. van.* Towards a methodology of Museology. Zagreb, 1992 (Ph.D. thesis). Искренняя признательность д-ру Я. Долаку и д-ру П. ван Меншу за возможность ознакомиться с полным текстом этого исследования.

¹³ *Teather L.* Mapping Museologies: From Babel's Tower to Borderlands // *Muzeologie na zacatku 3. tisíciletí/ Museology at the Beginning of the 3rd Millennium*. Brno, 2009. P. 75-96. Ранний вариант статьи был представлен в качестве доклада на симпозиуме Международного комитета по подготовке персонала ИКОМ в Лиссабоне в октябре 2008 г. Текст доступен по адресу: http://icfop.alfahosting.org/images/pdf/2008_Lisbon_Teather.pdf (ссылка последний раз проверялась 20 декабря 2010 г.).

¹⁴ *Gluzinski W.* Remarks on the condition ... P. 119.